

УДК 396 (571.61/64)

Фадеева Е.В.
Fadееva E.V.

Положение женщины у коренных народов Приморья и Приамурья (по материалам В.К. Арсеньева)

The position of women in indigenous peoples of Primorye and the Amur Region
(based on V.K. Arsenyev)

В статье рассматриваются факторы, определяющие роль и статус женщины в традиционном обществе и семье коренных этносов Приморья и Приамурья; их трансформация в конце XIX – начале XX вв., вызванная изменениями в социально-экономическом положении региона после вхождения последнего в состав Российской империи. Анализ приведённых материалов позволяет сделать вывод о том, что фактор освоения Приморья и Приамурья имел для местных женщин двойное значение. С одной стороны, расширение хозяйственной деятельности повышало их авторитет в семье и обществе; с другой – распространение института калыма ещё больше сковывало их личную свободу, а распространение спиртных напитков, наркотиков и венерических болезней, как следствие, вызывало падение морального облика не только мужчин, но и женщин.

Ключевые слова: *коренные этносы, Приморье, Приамурье, положение женщины, освоение региона*

The article examines the factors that determine the role and status of women in traditional society and the family of the indigenous ethnic groups of Primorye and the Amur region; their transformation in the late XIX – the beginning of the XX century, caused by changes in the socio-economic situation in the region after the last entry into the Russian Empire. Analysis of the material leads to the conclusion that the factor of development of Primorye and the Amur region had local women's double meaning. On the one hand, the expansion of economic activity increased their authority in the family and society; on the other - the spread of dowry institute further hampered their personal freedom, and the distribution of alcoholic beverages, drugs and sexually transmitted diseases, as a result, caused the fall of moral character, not only men but also women.

Key words: *indigenous ethnic groups, Primorye, Amur, the position of women, the development of the region*

В последнее время заметно усилился интерес учёных и широкой общественности к традиционной культуре различных народов, в том числе коренных этносов Приморья и Приамурья, в связи с активизацией национально-культурных процессов и движений, со стремлением к возрождению нравственных основ, самосознания, идентичности и духовных ценностей этносов.

Общественные трансформации последних десятилетий вызвали к жизни интерес к комплексу гендерных проблем, суть которых составля-

ют социально и культурно детерминированные различия в поведении и статусно-ролевых функциях женщин и мужчин. Важным направлением гендерных исследований является меняющийся статус женщины и образ женского в современном обществе [23, с. 8].

В научной литературе, так или иначе связанной с указанной проблематикой, можно выделить несколько блоков, различающихся хронологическими особенностями, тематикой и глубиной изучения.

Первый этап представлен трудами конца XIX – начала XX вв. и характеризуется своей описательной направленностью. По своей форме это в основном свидетельства путешественников, чиновников, военных, принимавших непосредственное участие в описываемых событиях. Во всех трудах этого периода сведения о положении женщины фрагментарны. Это работы таких авторов, как К.А. Белиловский, А.Л. Белькович, С.Н. Браиловский, Р.К. Маак, А.Н. Максимов, Е.Е. Мейер, А.Ф. Миддендорф, И.П. Надаров, Н.М. Пржевальский, П.П. Шимкевич, В.П. Маргаритов, Л.И. Шренк, Л.Я. Штернберг.

Второй этап включает в себя труды, написанные в советское время. Среди литературы первой трети XX в. особо стоит упомянуть работы В.К. Арсеньева, который, наряду с решением проблемы названия и самоназвания удэгейцев, собрал много данных по материальной и духовной культуре этноса; дал сравнительный материал по одежде, средствам передвижения, постройкам и духовной культуре удэгейцев и орочей. Кроме этого, В.К. Арсеньев в своих работах отметил большую роль дяди – брата матери – в деле воспитания племянников, обрисовал (как Н.К. Каргер и А.М. Золотарёв у нанайцев) классификационную систему родства и формы брака у удэгейцев, приёмы трудового воспитания девочек и т.д. Помимо трудов В.К. Арсеньева, следует отметить работы Д.К. Зеленина, А.М. Золотарёва, С.В. Иванова, Н.К. Каргера, Е.А. Крейновича, Н.А. Липской-Вальронд, А.Н. Липского, И.А. Лопатина, К.М. Мыльниковой и В.И. Цинциус, С.М. Широкогорова, С.В. Иванова, Е.А. Крейновича, В.Г. Ларькина, В.В. Подмаскина, Л.И. Сём, Ю.А. Сёма, А.В. Смоляк, Ч.М. Таксами, В.И. Цинциус.

Третий этап включает труды постсоветского периода. Это работы Ю.В. Аргудяевой, С.В. Березницкого, Е.А. Отаиной, П.Я. Гонтмахера, Н.Б. Киле, Н.В. Кочешкова, Г.А. Отаиной, В.В. Подмаскина, А.П. Самара, А.В. Смоляк, А.Ф. Старцева, Л.П. Тарвуд, М.М. Хасановой, Е.В. Фадеевой и др. Отдельный блок литературы по данной теме составляют работы, посвящённые изучению этнической истории отдельных малочисленных народов Севера (история и культура удэгейцев, история и культура ульчей, история и культура орочей, история и культура нанайцев, история и культура нивхов, история и культура эвенков, история и культура негидальцев). Специальных же работ, посвящённых комплексному исследованию положения женщины коренных народов Нижнего Амура, до настоящего момента написано не было.

Цель данной статьи – показать положение женщины в традиционной семье и обществе коренных народов Приморья и Приамурья (удэгейцев, тазов, нанайцев, орочей, ульчей, нивхов, негидальцев) и выявить факторы, способствующие его изменению в конце XIX – начале XX вв., опираясь, в том числе, и на материалы В.К. Арсеньева.

Семья, в силу ряда причин (природно-географического и исторического характера), отличалась усложнённым составом и длительным сохранением и устойчивостью традиций семейного быта. В традиционной семье место каждого её члена определялось не столько его личными качествами, сколько сложившейся в соответствии с обычаями иерархией взаимоотношений. На этой основе складывались права и обязанности членов семьи, как по возрасту, так и по полу.

Положение женщины в семье регламентировалось вековыми обычаями и зависело от её семейного статуса – дочери, жены, матери. В жилище для неё было отведено специальное место около выхода, ей запрещалось заходить на мужскую половину малу, она не имела права есть, пока не покормит мужа. Правая сторона жилища предоставлялась главе семьи и его жене, которая обычно имела под рукой все предметы личного обихода, а также держала возле себя своих малолетних детей. Левая сторона оставалась в распоряжении старших и детей. Место малу могли занять только уважаемые старики. Тут находилось и помещение для духов, и женщинам в период менструации строгойше запрещалось подходить к этому месту. Тунгусо-маньчжурским женщинам была доступна только левая сторона юрты. Женщины спали справа от очага, а мужчины – слева [13, с. 138]. Маленькие дети до семилетнего возраста спали с родителями, а затем отдельно. Сёстры и дочери располагались на худших местах, вблизи входа, сыновья же помещались подальше от дверей – на поперечной наре – самом лучшем месте в жилище, либо на боковых нарах. Жилище условно делилось на «зоны», в пределах некоторых из них девочка могла ходить, а в другие ей заходить было запрещено (А МАЭ. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л. 24–27). Женщины располагались в хозяйственной части жилища, где имелись полки для посуды, хозяйственных принадлежностей и одежды. Отдыхали обитатели жилищ на канах: мужчины сидели, скрестив ноги перед собой, молодые женщины – поджав ноги под себя, старые – на корточках; принимали гостей, ели за низкими столиками [16, с. 72].

Всю свою жизнь женщина зависела от мужчин-опекунов – сначала от отца и братьев, затем – от мужа и свёкра. Статус женщины в традиционной семье был неодинаков и определялся множеством факторов. Всё зависело от того, какое место она занимала в данный момент в системе семейно-родственных связей, в рамках какого социума она осуществляла свою деятельность и с кем из членов рода, семьи и общины она контактировала.

Незамужняя женщина (но не вдова) пользовалась почти бесконтрольной половой свободой. Если девушка обманывала жениха в его ожиданиях, её могли избить до полусмерти и даже прогнать к родителям, требуя возврата калыма. Если же девушка беременела, это повышало её цену как невесты, поскольку показывало её плодовитость и здоровье. Удэгейцы старались выдать беременную девушку за виновника её беременности, а внебрачные дети оставались у родителей девушки. Нивхи девушку, родившую без мужа, не осуждали, так как считали, что сами плохо за ней смотрели [12, с. 148]. В.К. Арсеньев, С.М. Широкого-ров, И.А. Лопатин, Е.Е. Мейер объясняли половую свободу незамужних девушек тем, что они ещё не стали чьей-то собственностью, а власть отца на половую сферу не распространялась (А МАЭ. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 216. Л. 235); [10, с. 162–163; 12, с. 147].

Вступая в семью мужа, женщина брала на себя бремя забот и работ. Если она была молода, то её учила главная работница. Если она была взрослой, то брала на себя обязанности главной работницы в доме или её помощницы: готовила еду, таскала воду и топливо, смотрела за животными, выделывала шкуры и шила (А МАЭ. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л.45-46).

Положение невестки в семье мужа зависело от того, кто стоял во главе хозяйства: если свёкор, то она, как и её муж, должна была исполнять его волю. Положение женщины менялось, когда муж вступал в наследование имуществом и она становилась хозяйкой дома. Молодой невесткой зачастую помывкала свекровь или старшие невестки, которые стремились переложить большую часть работ на её плечи. Старшей

женой становилась женщина, на которой мужчина женился раньше (у ульчей, удэгейцев), либо старшая по возрасту (нивхи, орочи) (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 28. Л. 87–88; ПМА за 2002 г., Суанка Е.Н., Геонка С. Ч.). Нередко хозяйкой в доме становилась любимца хозяина – самая молодая из жён. Остальные жёны были только работницами, и муж нередко даже не разделял с ними ложа. Хотя и они имели своих поклонников в лице брата мужа или друга, живущего в юрте [12, с. 151]. Младшие невестки все замечания должны были выслушивать молча, не прекословя говорящим (А МАЭ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 80. Л. 2). Сноха должна была вставать раньше всех в доме и позже остальных ложиться. Заработанные ею средства (от продажи изделий домашних промыслов, ягод, грибов и т.п.) поступали в распоряжение свёкра или свекрови, которая могла выгнать её из дома, не считаясь с мнением своего сына – мужа женщины. У удэгейцев невестку, чем-то не угодившую свекрови, брали за ноги, ударяли головой о дерево и бросали в реку, либо, бросив в реку, били шестами. Если она после этого выживала, то возвращалась в свой род (А ИИАЭ ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 434. Л. 23). У орочей и нанайцев самая младшая из замужних женщин варила обед и готовила обувь для мужа, детей и гостей (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 96).

Мужчины старались не вмешиваться в дела женщин и лишь иногда, не выдержав их криков, кулаками унимали расхорившихся женщин [24, с. 10]. Нормы обычного права защищали интересы женщины лишь в случае жестокого обращения с нею её мужа. Родственники жены могли отомстить роду мужа за обиду, нанесённую женщине их рода, если женщина умирала без оказания помощи шамана, не приглашённого её мужем или членами его рода (А МАЭ. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л. 55–56). Женщина принималась в состав рода своего мужа, но, несмотря на это, она по-прежнему продолжала состоять и в роде своего отца.

Положение снохи несколько улучшалось с рождением ребёнка [18, с. 184]. Женщина уделяла ребёнку много времени и с неё снимали часть работ. Только с этого времени молодой отец начинал отдавать своей жене деньги, получаемые им от охотничьего промысла. Большое значение имело имуществонное положение каждой жены, величина материального вклада, внесённого ею в семью. Младшие жёны были бесправны, они и их дети плохо питались. Очень тяжёлым было положение бездетных женщин и женщин, у которых рождались одни девочки: мужья брали себе других жён, которые быстро занимали ведущее место в семье. Плохо обращались мужья и с жёнами, приобретёнными по обычаю коктоу (девушку отдавали замуж в качестве платы за убийство), которые нередко подвергались издевательствам и избиениям самыми извращёнными способами (ПМА за 2002 г., записано от Адян Н.П.); [4, с. 570–571; 22, с. 124]; (А МАЭ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 80. Л. 1; А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 92).

У всех народов региона действовал институт левирата, согласно которому вдова с детьми и имуществом умершего, по истечении малых поминок, переходила в качестве законной жены к следующему (как правило, младшему) родному или двоюродному брату. У орочей, если вдову младшего брата брал старший брат, то последний обязан был отдать тестю живого медведя, хотя бы и небольшого (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 81). Как мужчина не имел права отказаться принять вдову брата, так и для женщины считалось позором уйти в другой род.

В случае смерти мужа невестка теряла все свои права и вновь попадала в зависимость от его родственников, стремившихся женить на ней младшего сына (по обычаю левирата). В противном случае, у неё

отбирали детей. Когда вдова переходила в семью своего шурина со всем своим имуществом и детьми, то, как правило, она становилась «старшей» женщиной в семье, если не было матери мужа.

Немаловажную роль в семейных отношениях играли половые отношения. Если оба супруга были довольны друг другом, жизнь их протекала мирно, но если это было не так, то жизнь становилась невыносимой для обоих. Согласно обычаю, когда муж входил в юрту, жена должна была немедленно начинать готовить ему еду, стараясь угодить и исполнить все желания. Женщины-нанайки встречали мужей в дождь на берегу реки по возвращению с рыбалки и накидывали им на голову и плечи старый халат, служивший дождевиком [26, с. 478]. Жена не чаще двух-трёх раз в год мыла голову мужа и расчёсывала волосы; сушила обувь [10, с. 70]; (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 24).

Прекращение женских физиологических функций позволяло уравнивать их в правах с мужчинами, поэтому положение старших женщин, благодаря социальному и биологическому возрастам, в семье было иным. В прошлом у народов региона существовала система традиционно сложившихся нормативных предписаний, выражающих почтительное отношение к пожилой женщине. Только старуха, мать семейства, имевшая взрослых дочерей и других женщин под своим руководством, могла сидеть, разговаривать, есть вместе с мужчинами (А МАЭ. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. ЛЛ. 54, 60–61, 64). Младший мужчина кланялся старшим женщинам, становясь при этом на колени, а те его целовали в щёки. Женщины сами друг другу и старшим мужчинам не кланялись [29, с. 508]. У нивхов хозяйка дома не целовала гостей, а только обнимала и гладила по спине [14, с. 217]. Пожилые женщины могли выступать хранительницами родовых традиций, и, хотя в роде мужа они являлись «чужеродками», их советы принимались всеми членами к исполнению. После смерти мужа жена иногда оставалась полной хозяйкой.

Разводы, хотя и не запрещались обычаем, были крайне редким явлением. Большую роль в этом играла материальная сторона дела: мужья теряли необходимую в семье пару рабочих рук, плюс к этому, на приобретение новой жены требовались большие средства, которые были не у каждого мужчины. Женщину останавливало то обстоятельство, что муж мог потребовать возвращения уплаченного родителям жены калыма, если развод произойдёт по инициативе или «вине» женщины (А МАЭ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 5. Л. 24). К тому же, если родные женщины считали зятя «хорошим», то женщину, убежавшую от мужа, били и отсылали обратно к нему, который, в свою очередь, «учил её палкой» [27, с. 14]. У нанайцев брак мог быть расторгнут тотчас же, если мать невесты оказывалась недовольна поведением своего зятя (А МАЭ. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 214. Л. 48). Здесь стоит отметить, что с рождением ребёнка у молодой пары, родные жены уже не вмешивались во взаимоотношения мужа с их дочерью, но она сама могла уйти от него [16, с. 139]. Измена жены очень редко приводило к разводу. Если женщина находилась одна в жилище, то любой гость мог рассчитывать быть принятым ею, так как муж иногда отсутствовал целые недели и мог случайно оказаться в том же положении, что и любовник его жены («женщина – не еда, её не убудет»). Тем не менее, отношения с иностранцами и с несколькими мужчинами одновременно осуждались («она похожа на сучку – бегаёт по домам целыми днями и ночами»). Жена могла требовать развода, если муж дурно с ней обращался, бил, не обеспечивал пищей и одеждой, пьянствовал, удалялся от неё или совсем бросал её и жил с другой женщиной. В таком случае жена сначала просила о вмешательстве род мужа. Если это не помогало, она могла просить официального развода, и в таком случае калым не возвращался. У орочей, если муж обижал жену, отец последней

собирали всех окрестных свидетелей и забирал свою дочь обратно, при этом муж терял право на возврат калыма. В случае виновности жены калым возвращался мужу (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. ЛЛ. 82, 105). Род мужа в этом случае мог попросить её, в силу принципа левирата, остаться в роде мужа в качестве жены какого-либо младшего родственника мужа. В случае доказанности вины мужа суд присуждал отцу жены определённое количество денег или вещей, который, возвращая дочь зятю, брал их в качестве залога за хорошее поведение последнего. У ульчей муж за избиение жены, повлёкшее за собой какие-либо увечья женщины, а также за оскорбление её родственников, в качестве платы давал баранью шубу, китайский шёлковый халат дешёвой цены, полотенце, чтобы утирать стыд, кусок шёлка длиной в 4 сажени и котёл [27, с. 13; 6, с. 80]. В случае виновности жены калым подлежал полному или частичному возвращению, а жена при этом теряла и своё приданое. После развода женщина не могла претендовать на часть семейного имущества. Дети оставались у мужа. После развода при встрече с бывшим мужем женщина отводила глаза, закрывала лицо ладонью и проходила. Такой этикет просуществовал до 1930-х гг., но сейчас его никто уже не соблюдает [8, с. 51]. Бесплодие жены не давало мужу повода для развода, но позволяло ему приобрести вторую жену. В случае обоюдного желая развода вопрос передавался на рассмотрение родов мужа и жены (А МАЭ. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 216. ЛЛ. 236–237, 272–273).

В делах о прелюбодеяниях женщины осуждались «за допущение себя к незаконной связи», и на них возлагалась основная вина за это преступление [5, с. 127]. У нивхов, нанайцев женщинам за супружескую неверность полагалась смерть (отголосок этого давнего обычая нашёл своё отражение в погребальной обрядности народа) (что не совсем согласовывалось с их общественным строем и, вероятно, явилось заимствованием); тогда как мужчины должны были только внести выкуп [10, с. 313]. Обычно женщину избивали до полусмерти, так как, во-первых, она была когнаткой мужу, что могло привести к кровной вражде с её родом, во-вторых, за неё был внесён достаточно большой калым, а, в-третьих, она была рабочей силой в семье [29, с. 150].

Удэгейцы также нередко решали споры из-за женщины с помощью драки лыжными палками, стоя при этом на бревне. Только у них борьба продолжалась до тех пор, пока один из мужчин не просил пощады, или не падал с бревна (ПМА за 2002 г., записано от Н.С. Дункая). В.К. Арсеньев писал, что если муж заставал жену на месте преступления со своим родным младшим братом, то он просто изгонял последнего из своего дома, а жену наказывал палками. Подобное мягкое отношение к собственному брату объясняется неписаным правом последнего на жену старшего брата. Если же любовником оказывался человек из другого рода, то на его связь с замужней женщиной смотрели уже как на кражу. В этом случае хозяин бил любовника жены палками, изгонял из дома и требовал штраф, после чего избивал жену палками, на чём инцидент и исчерпывался (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 134); [21, с. 110].

В целом можно сказать, что деяния против личности женщины карались менее строго, чем преступления против мужчины или рода, яркими подтверждениями чего служат размеры штрафов, вносимые за те или иные проступки. Так, у удэгейцев, орочей за похищение девушки нужно было отдать 10 рубашек и 1 котёл, девушка при этом оставалась у похитителя и становилась его женой. За похищение замужней женщины платили уже 10 рубашек, 2 котла и 3 копыя и при этом женщина возвращалась к мужу (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 56); [7, с. 61]. Увеличение штрафа за похищение замужней женщи-

ны, очевидно, было связано с тем, что она уже являлась собственностью своего мужа и его рода.

Роль родственников по материнской линии выявлялась также в заготовке приданого, в свадебных церемониях, религиозных обрядах, на охоте, в родовых молениях, магических приёмах, связанных с сохранением потомства, в судебных делах. Например, у удэгейцев, брат девушки на плечах выносил сестру из юрты и передавал её жениху. После этого зять увозил невесту в дом своих родителей [3, с. 170]. У нанайцев младший брат матери для приданого невесте заготавливал предметы из дерева, кости и железа (А МАЭ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 38. Л. 73). Всё это, видимо, отголоски материнского права.

В XVII – XVIII вв., в период первого знакомства русских с коренными народами Приморья и Приамурья, нередко были ситуации, когда воеводы, чиновники, казаки во время своих разъездов по стойбищам не только пользовались женщинами из среды инородцев ради кратковременной связи, но часто овладевали ими совсем и, увозя с собою, пользовались ими сами или передавали их другим [Цит.: 4, с. 545].

В 1860 г., согласно Пекинскому договору, территория юга Дальнего Востока и всё население Приамурья и Приморья вошли в состав России. С этого времени юг Дальнего Востока стал заселяться русскими переселенцами в непосредственной близости от стойбищ удэгейцев, орочей и других народностей.

Коренное население сохраняло архаическую материальную и духовную культуру, общественные отношения и идеологию. Политика царизма способствовала консервации этой культуры, обрекая коренных жителей на жестокую эксплуатацию со стороны торговцев и скупщиков пушнины. Так, в 1882 г. был принят «Устав об инородцах», лишивший «бродячих» инородцев избирательных прав, отводивший им специальные места для проживания и строго запрещающий переселяться. В соответствии со статьёй 13 устава был введён институт территориальных старшин, которые избирались на общем собрании инородцев, связанных общностью проживания на одной территории. Женщины были лишены права участвовать в выборах старшины.

Сложно складывались отношения коренного населения с китайскими отходниками. В.К. Арсеньев отмечал жестокое отношение китайцев к местным народам и попустительство царской администрации в этом вопросе. В начале, удэгеец или нанайец нанимал на всю полевую и огородную работу китайца, который, в силу постоянного отсутствия первого, незаметно становился вторым хозяином в доме. Эта власть распространялась не только на скarb и угоды нанайца, но и на его семью. Не имея своей жены (китайским отходникам, согласно китайскому законодательству, не разрешалось брать с собой женщин), работник всеми силами добивался внимания от жены или дочери хозяина. Они брали себе в жёны тазок силой или же сманивали их различными подарками. Судьба таких женщин была трагична. Молодую тазку с детьми обычно передавали друг другу, старую бросали вместе с детьми на произвол судьбы. Раньше мужчины пытались протестовать и мстить насильникам, но китайцы сурово расправлялись с ними, заставляя женщин и детей присутствовать при их погребении. Тяжела была участь и тазских вдов. Со смертью кормильца в семье являлись кредиторы, которые буквально начисто обирали вдову. Душевные страдания женщины усугублялись страхом перед изгнанием из жилища, нищетой и разлукой с детьми, которых китайцы продавали как рабов на сторону. Отбирали китайцы женщин и за долги, деля их затем между собой как имущество [3, с. 149].

Постепенно положение китайца укреплялось и он, собираясь уйти от работодателя, начинал требовать от последнего полной платы за проделанную работу. Тут-то и выяснялось, что хозяин должен работнику намного больше, чем у него было, и уже, в свою очередь, попадал в кабалу китайца. За неуплату долга, китаец подвергал должника жестоким телесным наказаниям, его жену брал себе в наложницы, а дочерей продавал в жёны, не спрашивая на это согласия родителей и не обращая внимания на возраст девочек. Зачастую пытки несчастного, либо изнасилование его жены происходили на глазах у всей семьи [10, сс. 143–144, 196–197].

Соседство с китайцами влияло и на быт местных народов. У них появились фанзы китайского типа, одевались они наполовину по-китайски, наполовину по-своему. Говорили по-манзовски. И только в том случае, если хотели посекретничать, говорили на родном языке. Костюм женщины более сохранял свой национальный колорит, нежели мужской, поскольку женщины, как хранительницы народных традиций, более консервативны в вопросах национальной культуры. Нивхинки для шитья и вышивания в конце XIX в. употребляли исключительно стальные иглы, которые на материке получали сначала от китайцев, а позднее и от русских. От нивхов игольник переняли ульчи и негидальцы. Были знакомы женщинам и ножницы – хаза, хотя пользовались ими достаточно редко [28, сс. 91, 92]; (ПМА за 2001 г., записано от Казаровой А.В.).

С середины XIX в. получили широкое распространение различные ткани, из которых шили одежду, рукавицы, одеяла и т.д. В начале XX в. в стойбищах, находящихся вблизи русских городов и селений, в хозяйстве нанайцев стали появляться швейные машинки, значительно облегчившие труд женщины. Нанайки, имеющие швейную машинку, шили ею всю одежду, вследствие чего рыба кожа, как материал, стала отходить на второй план, уступая место бумажным и шерстяным тканям. Там, где прежде работали рукой, вооружённой лишь иглой, прокладывая вдоль всего края шов гладью, затрачивая на это массу времени, при помощи машинки пришивали узенькую полоску материи в виде канта. Идея и стиль остались те же самые, но глаз получал уже другое впечатление. Таким образом, нововведение в технике привело к нововведениям в орнаменте [10, с. 339].

Земледелием, в форме огородничества (картофель, капуста, лук, морковь и др.) занимались только южно-уссурийские и сунгарийские нанайцы, позаимствовавшие его от китайцев и древних маньчжуров, о чём говорит и сам способ его ведения – грядковая культура, характерная для китайцев. Появление новых видов занятий в их хозяйствах прибавило ещё больше забот женщинам, поскольку ведение огородничества и животноводства практически полностью лежало на их плечах.

В конце XIX – начале XX вв. на Амуре и Сахалине появились русские и японские промышленники, которые, пользуясь попустительством царской администрации, жестоко эксплуатировали местное население. Всё это усугубляло и без того тяжёлое положение коренных народов, находящихся в долгах у китайских отходников и корейцев.

Социально-экономическое развитие в Приморье и Приамурье в конце XIX – начале XX в. оказало большое влияние на перемены в семейных взаимоотношениях, в экономике семьи. Ещё во второй половине XIX в. начали появляться новые занятия: заготовка дров для пароходов, перевозка грузов, почты и т.п. Стали возникать и новые ярмарки (в р. Кукане, на р. Урми, в Кондоне на р. Горин и др.), на которых нанайцы встречались с эвенками, удэгейцами, русскими. С появлением рыбозаводов, засольных участков и других предприятий рыба, ранее целиком остававшаяся в распоряжении семьи, становилась товаром, а охотничий

промысел постепенно терял своё прежнее значение. Тем не менее, общение нанайцев с русскими не было очень интенсивным и равномерным. Причинами этого служили расселённость последних на большой территории, в глухих местах на притоках Амура, Тумнина, Уссури. Женщины-нанайки встречались с русскими вообще крайне редко, поскольку в местах обитания народа не создавалось рыбозаводов и засольных участков, а, значит, не было и большого наплыва приезжих людей. В связи с этим они в конце XIX века по-русски почти не говорили [17, с. 176, 182; 1, с. 55; 2, с. 21].

В начале XX века общение с русскими стало значительно более многосторонним. Женщины и молодёжь получили возможность зарабатывать деньги, независимо от отцов и мужей, что упрочивало их самостоятельность в семье и возвышало в глазах общества [18, с. 184]. Капитализм, сохранив традиционную заинтересованность в зависимом положении женщины, порождает и другую, в конечном счёте, противоположную ей заинтересованность, которой не существовало прежде: нуждаясь в дешёвых рабочих руках, крупная промышленность широко открывала двери перед женщинами и всё энергичнее вовлекала их в общественное производство. Работа на капиталистическом предприятии превращала женщину в объект эксплуатации со стороны хозяина, но она давала ей экономическую независимость по отношению к отцу, мужу, по отношению ко всей мужской «элите» внутри семьи [24, с. 94].

Среди ульчей были широко известны мастерицы из рода Росутбу из сел. Аури, славившиеся выделкой циновок, за которыми приезжали даже из соседних сёл. Характерно, что если ещё в начале XX в. за выполненный заказ брали вещами, то позднее с ними стали расплачиваться деньгами. Если обычно работа на заказ выполнялась побочно, то ульчские кальмадя – искусные вышивальщицы, стояли особняком, поскольку постоянно работали на заказ. Отцы их не выдавали замуж, присваивая себе их заработки [16, с. 64].

С конца XIX в., в результате интенсивных контактов коренных народов со славянским населением, многие элементы новой культуры стали проникать не только в материальный, но и в юридический быт. Была введена система штрафов, кровная месть заменялась выкупом, что упростило разрешение внутриродовых конфликтов. Страх перед русским правосудием ослабил действие кровавого обычая убивать соблазнителя на «месте преступления», а жену избивать до полусмерти. Чаше в таких случаях всё ограничивалось простым избиением. Смягчились наказания женщин, ужесточились санкции против насильников, мужей-пьяниц и дебоширов.

Преступлениями против общественной нравственности считались изнасилования женщин и связи мужчин с чужими жёнами. Тем не менее, в силу известной свободы половых отношений, сохранившей пережитки группового брака, обычное право относилось к ним в целом снисходительно. К этому надо прибавить тот факт, что женщине нужно было ещё доказать сам факт насилия над ней.

Факты насилия над женщинами отнюдь не рассматривались как тяжкие преступления, виновники обычно отделялись либо побоями со стороны мужской части родни женщины, либо компенсацией в пользу мужа. В неё, кроме денег, входили кольчуга, котёл, шкурки соболя, медвежья шкура, олени. У удэгейцев за изнасилование виновный платил 2 копыя, 3 рубашки и при этом его избивали до полусмерти [7, с. 61]. У нивхов в случае изнасилования женщины дело иногда доходило до дуэли мужа с насильником или до споров о выкупе за поруганную честь мужа [29, с. 150]. Ульчи за изнасилование чужой жены платили кольчугой, тремя мехами соболя, японской саблей, котлом, медведем [6,

с. 80]. Стоит отметить, что такие дела рассматривались довольно редко в силу того, что женщины, стесняясь и опасаясь обвинений в измене, обычно не заявляли о подобных преступлениях.

Знакомство с законами Российской империи дало женщинам большую правовую защищённость на государственном уровне. Например, у В.П. Маргаритова находим сведения, когда по делу о прелюбоддеянии суд старейшин, поддержанный русским старшиной, постановил высечь провинившегося 100 ударами розог, но его спас преклонный возраст. Поэтому его посадили на двое суток в карцер, а жену-старуху, малолетнего мужа и его взрослую жену отправили к отцу снохи, предписав при этом зорко следить за целомудренностью своей снохи. При этом суд не принял во внимание факт неспособности старой жены обвиняемого к супружеским обязанностям, на что надеялся мужчина, оправдывая свою связь с молодой снохой. В другом казусном случае ответчица смогла выиграть дело о возвращении сына и калыма в свою пользу, сославшись на то, что была повенчана с погибшим мужем русским священником и судить её теперь можно только по русским обычаям [11, с. 31–32].

Появление русских значительно сказалось на уменьшении случаев похищения женщин в регионе, поскольку какими бы усилиями ни сопровождалось похищение, вмешательство администрации влекло за собой беспрекословное возвращение похищенной. Таким образом, господствующим способом приобретения жён стала покупка или калым. Зажиточные семьи могли теперь брать в жёны лучших девушек, нарушая нормы группового брака между родом брата и родом, куда выходила замуж сестра. В таких случаях мужчина, приобретая жену, уже рассматривал её как свою личную собственность, а это, в свою очередь, приводило к возникновению конфликтов как между мужем и женой, так и между отцом и дочерью. Тем не менее, нанайцы и орочи отмечали тот факт, что под влиянием русских в последнее время участились случаи бегства жён от своих мужей (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 107).

В конце XIX – начале XX вв. в процессе общения с русскими и деятельностью Русской Православной церкви бытование ранних браков повсеместно сокращается. Самым распространённым становится возраст 17–20 лет.

Несмотря на то, что венчание в церкви среди народов Нижнего Амура встречалось редко, в их обиход вошли отдельные элементы русской свадебной обрядности: обсыпание зерном, причитания, частично свадебный женский костюм – при сохранении традиционных обрядов (перешагивание через котлы и пр.) [19, с. 311; 15, с. 220; 1, с. 48]. Таким образом, произошло как бы сращивание традиционной свадебной обрядности с русской при частичном заимствовании церковной обрядности. Православная Церковь боролась и против полигамии, что облегчало жизнь женщин [20, с. 68].

В то же время догматы христианской религии значительно усложняли процедуры заключения брака и бракоразводных процессов, отличающихся у народов относительной простотой. По этой причине последние предпочитали свой традиционный брак и уклонялись от крещения, желая избежать церковного брака.

В начале XX в. наблюдается постепенная трансформация статуса и роли женщины, которая, с одной стороны, была связана с увеличением числа малых нуклеарных семей на фоне уменьшения количества больших и неразделённых семей, в результате чего главами женской части дома становились ещё достаточно молодые женщины, которые могли заниматься хозяйственными делами без оглядки на старших невесток и свекровей. С другой стороны, знакомство с законами Российской империи дало женщинам большую правовую защищённость на

государственном уровне. Социально-экономическое развитие народов Нижнего Амура конца XIX – начала XX вв. (распространение в среде коренных малочисленных народов товарно-денежных отношений и возникновение новых отраслей хозяйства) увеличило экономическую независимость женщины, подняло её вес в глазах семьи и общества. Новый характер экономики способствовал не только распаду больших семей, но и повлиял на положение женщины в моногамных и полигамных семьях. И если в прошлом часто жена приобретала авторитет благодаря своему имуществу – приданому, то теперь её положение часто определялось и её участием в работе на стороне. Женщины стали играть основную роль в новых отраслях хозяйства – земледелии и огородничестве, выступая, тем самым, проводниками инноваций в традиционном обществе. Однако женщина, как и прежде, не имела права на долю общесемейного имущества: при его разделе учитывался, в первую очередь, мужской состав по нисходящей линии родства. Женщины могли лишь участвовать в коллективном пользовании наравне с другими членами семьи и в некоторых случаях – на распоряжение семейным имуществом (например, вдова) [9, с. 252].

Проникновение торгового капитала в регион повлияло практически на все стороны жизни коренных народов, в том числе на семейно-брачные отношения, в целом, и на положение женщины, в частности. Это влияние было двояким. С одной стороны, роль женщин в семье стала постепенно меняться в лучшую сторону в силу того, что они могли теперь зарабатывать деньги независимо от отцов и мужей и упрочивать самостоятельность в семье. Женщины-удэгейки, ульчанки, негидалки, нанайки обрабатывали рыбу на специальных засольных пунктах. Заработки были хоть и небольшие, но это были заработки вне семьи. Кроме того, женщина получала в собственное владение деньги, вырученные за продажу одежды, предметов рукоделия, ягод и пр.

Тем самым, следует отметить, что фактор освоения Приморья и Приамурья имел для местных женщин двоякое значение. С одной стороны, расширение хозяйственной деятельности повышало их авторитет в семье и обществе; с другой – распространение института калыма ещё больше сковывало их личную свободу. С одной стороны, улучшение пищевого рациона, бытовых условий, личной гигиены, медицинского обслуживания и пр., с другой – распространение спиртных напитков, наркотиков, венерических болезней и, как следствие, падение морального облика не только мужчин, но и женщин, что не способствовало появлению полноценного потомства.

Литература

1. Аргудяева Ю.В. Взаимовлияние культур русских и аборигенов юга Дальнего Востока. // Россия и АТР. 1999. № 4. С. 50–59.
2. Аргудяева Ю.В. Взаимодействие и взаимовлияние аборигенных, восточнославянских народов в условиях Дальнего Востока (вт. пол. XIX – начало XX в.). // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI в.: Мат-лы докл. конф. Ч. 3. Хабаровск, 2002. С. 16–26.
3. Арсеньев В.К. Лесные люди – удэгейцы. // Соч. Т. 5. Владивосток, 1948. С. 139–188.

4. Белиловский К.А. Женщина инородцев Сибири (медико-этнографический очерк). // Оттиск из: Сборник работ по акушерским и женским болезням, посвященный проф. К.Ф. Славянскому в 25-летие его врачебно-учёной деятельности. Спб., 1894. С. 527–629.
5. Зибарев З.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII – XIX вв.). Томск: Кн. Изд-во, 1990. 208 с.
6. Золотарёв А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Дальгиз, 1939. 206 с.
7. История и культура удэгейцев: историко-этнографические очерки. – коллектив авторов. Л.: Наука, 1989. 192 с.
8. Киле Н.Б. Традиционный этикет взаимоотношений между членами семьи у нанайцев. // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997. С. 46–52.
9. Крюкова С.С. Имущественно-правовое положение женщины в русской крестьянской семье (на материалах южно-русского региона России). // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Мат-лы межд. Конф. 1993 г. М.: Наука, 1994. С. 251–256.
10. Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт этнографического исследования. // Зап. ОИАК Владивостокского отделения ПОРГО. Владивосток, 1922. Т. 17. 372 с.
11. Маргаритов В.П. Об орочах Императорской гавани. СПб., 1888. 56 с.
12. Мейер Е.Е. Письма с Амура. К С.В.М. // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск. Сахалинский областной краеведческий музей, 2000. № 7. С. 119–156.
13. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX – XX вв. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1998. 227 с.
14. Пухта М.Н. О нивхском этикете. // Известия Института наследия Бр. Пилсудского. Институт наследия Бр. Пилсудского при Сахалинском государственном областном краеведческом музее. Южно-Сахалинск. Сахалинский областной краеведческий музей, 1999. С. 217–223.
15. Сём Ю.А. Христианизация нанайцев, её методы и результаты. // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Л., 1979. С. 197–226.
16. Смоляк А.В. Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1966. 290 с.
17. Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX – нач. XX вв.). М.: Наука, 1975. 232 с.
18. Смоляк А.В. Изменения семейного строя у народов Нижнего Амура с конца XIX в. до конца 1970-х годов. // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М.: Наука, 1985. С. 175–194.
19. Смоляк А.В. Народы Севера и Дальнего Востока. // Семейный быт народов СССР. М.: Наука, 1990. С. 307–336.
20. Соколова З.П. Брачный возраст у хантов и манси в XVIII-XIX в. // Советская этнография. М., 1982. № 2. С. 65–76.
21. Старцев А.Ф. Создание семьи и воспитание детей у удэгейцев (по материалам В.К.Арсеньева). // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997. С. 108–124.
22. Суник О.П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985. 264 с.
23. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 542 с.
24. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. 367 с.
25. Ходжер Г.А. Конец большого дома. Хабаровск: Кн. изд-во, 1969. 368 с.
26. Ходжер Г.Г. Амур широкий: роман. Кн. 2. Белая тишина. Хабаровск: Кн. Изд-во, 1980. 592 с.

27. Шимкевич П.П. Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия. // Этнографическое обозрение, 1897. № 3. Кн. 34. С. 1–20.
28. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. 2. Спб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1899. 314 с.
29. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Кн. Изд-во, 1933. 740 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Argudyaeva YU.V. Vzaimovliyanie kul'tur russkikh i aborigenov yuga Dal'nego Vostoka. // Rossiya i ATR. 1999. № 4. S. 50–59.
2. Argudyaeva YU.V. Vzaimodejstvie i vzaimovliyanie aborigennykh, vostochnoslavjanskikh narodov v usloviyakh Dal'nego Vostoka (vt. pol. XIX – nachalo XX v.). // Aziatsko-Tikhookeanskij region v global'noj politike, ehkonomike i kul'ture КНКНИ v.: Mat-ly dokl. konf. CH. 3. KHabarovsk, 2002. S. 16–26.
3. Arsen'ev V.K. Lesnye lyudi – udehkhejtsy. // Soch. T. 5. Vladivostok, 1948. S. 139–188.
4. Belilovskij K.A. ZHenshhina inorodtsev Sibiri (mediko-ehnologicheskij ocherk). // Ottisk iz: Sbornik rabot po akusherskim i zhenskim boleznjam, posvyashhyonnyj prof. K.F. Slavyanskomu v 25-letie ego vrachebno-uchyonoj deyatel'nosti. Spb., 1894. S. 527–629.
5. Zibarev Z.A. YUstitsiya u malykh narodov Severa (XVII – XIX vv.). Tomsk: Kn. Izd-vo, 1990. 208 s.
6. Zolotaryov A.M. Rodovoj stroj i religiya ul'chej. KHabarovsk: Dal'giz, 1939. 206 s.
7. Istoriya i kul'tura udehgejtsev: istoriko-ehnologicheskije ocherki. – kollektiv avtorov. L.: Nauka, 1989. 192 s.
8. Kile N.B. Traditsionnyj ehtiket vzaimootnoshenij mezhdru chlenami sem'i u nanajtsev. // Sem'ya i semejnij byt v vostochnykh regionakh Rossii. Vladivostok, 1997. S. 46–52.
9. Kryukova S.S. Imushhestvenno-pravovoe polozhenie zhenshhiny v russkoj krest'yanskoj sem'e (na materialakh yuzhno-russkogo regiona Rossii). // ZHenshhina i svoboda: puti vybora v mire traditsij i peremen. Mat-ly mezhd. Konf. 1993 g. M.: Nauka, 1994. S. 251–256.
10. Lopatin I.A. Gol'dy amurskie, ussurijskie i sungarijskie: Opyt ehnologicheskogo issledovaniya. // Zap. OIAK Vladivostokskogo otdeleniya PORGO. Vladivostok, 1922. T. 17. 372 s.
11. Margaritov V.P. Ob orochnik Imperatorskoj gavani. SPb., 1888. 56 s.
12. Mejer E.E. Pis'ma s Amura. K S.V.M. // Vestnik Sakhalinskogo muzeya. Ezhegodnik Sakhalinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. YUzhno-Sakhalinsk. Sakhalinskij oblastnoj kraevedcheskij muzej, 2000. № 7. S. 119–156.
13. Podmaskin V.V. Narodnye znaniya udehgejtsev: istoriko-ehnologicheskoe issledovanie po materialam XIX – XX vv. Vladivostok: Izd-vo DVO RAN, 1998. 227 s.
14. Pukhta M.N. O nivkhskom ehtikete. // Izvestiya Instituta naslediya Br. Pilsudskogo. Institut naslediya Br. Pilsudskogo pri Sakhalinskom gosudarstvennom oblastnom kraevedcheskom muzee. YUzhno-Sakhalinsk. Sakhalinskij oblastnoj kraevedcheskij muzej, 1999. S. 217–223.
15. Syom YU.A. KHristianizatsiya nanajtsev, eyo metody i rezul'taty. // KHristianstvo i lamaizm u korenного naseleniya Sibiri (vt. pol. XIX – nach. XX vv.). L., 1979. S. 197–226.
16. Smolyak A.V. Ul'chi: KHozyajstvo, kul'tura i byt v proshlom i nastoyashhem. M.: Nauka, 1966. 290 s.
17. Smolyak A.V. EHtnicheskie protsessy u narodov Nizhnego Amura i Sakhalina (seredina XIX – nach. XX vv.). M.: Nauka, 1975. 232 s.

18. Smolyak A.V. Izmeneniya semejnogo stroya u narodov Nizhnego Amura s kontsa XIX v. do kontsa 1970-kh godov. // Ehtnokul'turnye protsessy u narodov Sibiri i Severa. M.: Nauka, 1985. S. 175–194.
19. Smolyak A.V. Narody Severa i Dal'nego Vostoka.// Semejnyj byt narodov SSSR. M.: Nauka, 1990. S. 307–336.
20. Sokolova Z.P. Brachnyj vozrast u khantov i mansi v XVIII-XIX v.// Sovetskaya ehtnografiya. M., 1982. № 2. S. 65–76.
21. Startsev A.F. Sozdanie sem'i i vospitanie detej u udehgejtsev (po materialam V.K.Arsen'eva). // Sem'ya i semejnyj byt v vostochnykh regionakh Rossii. Vladivostok, 1997. S. 108–124.
22. Sunik O.P. Ul'chskij yazyk: issledovaniya i materialy. L.: Nauka, 1985. 264 s.
23. Tishkov V.A. Rekviem po ehtnosu. Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoj antropologii. M.: Nauka, 2003. 542 s.
24. KHarchev A.G. Brak i sem'ya v SSSR. M.: Mysl', 1979. 367 s.
25. KHodzher G.A. Konets bol'shogo doma. Khabarovsk: Kn. izd-vo, 1969. 368 s.
26. KHodzher G.G. Amur shirokij: roman. Kn. 2. Belaya tishina. Khabarovsk: Kn. Izd-vo, 1980. 592 s.
27. SHimkevich P.P. Nekotorye momenty iz zhizni gol'dov i svyazannye s zhizn'yu sueveriya. // Ehtnograficheskoe obozrenie, 1897. № 3. Kn. 34. S. 1–20.
28. SHrenk L.I. Ob inorodtsakh Amurskogo kraja. T. 2. Spb.: Tip. Imperatorskoj Akademii Nauk, 1899. 314 s.
29. SHternberg L.YA. Gilyaki, orocho, gol'dy, negidal'tsy, ajny. Khabarovsk: Kn. Izd-vo, 1933. 740 s.